

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПИСЬМЕННЫЕ
ПАМЯТНИКИ
ВОСТОКА

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Ежегодник
1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1981

А. В. П а й к о в а

СИРИЙСКИЙ ОСТРАКОН ИЗ ПЕНДЖИКЕНТА

Летом 1973 г. Пенджикентской археологической экспедицией, возглавляемой А.М.Беленицким (Институт археологии АН СССР) впервые на территории Советского Союза был найден сирийский остракон¹.

Благодаря любезности А.М.Беленицкого мы получили возможность познакомиться с новой сирийской надписью, представляющей еще одно свидетельство значительной роли несторианской культуры в Средней Азии.

Сирийская традиция в Средней Азии имеет давнюю и продолжительную историю. Большое значение в экономической и культурной жизни стран Ближнего, Среднего и Дальнего Востока имели торговые трассы, соединявшие Восток и Запад, Китай и страны Западной Европы, – так называемый “шелковый путь”. Начинаясь у Китайской стены, он проходил по бассейну реки Тарим, затем вдоль северной границы Турфанского оазиса через Семиречье к оазисам Средней Азии и через главные города Согдианы приводил, наконец, в иранские пределы. Здесь кончался лишь первый этап этого длинного утомительного пути, по которому везли из Китая производившийся там и очень высоко ценившийся шелк. В торговле шелком были заинтересованы многие страны, а в передаче товара из рук в руки, из одной фактории в другую участвовали тюркские и иранские народности, населявшие Среднюю и Центральную Азию.

Активное участие в движении по “шелковому пути” принимали сирийцы. Купцы, толмачи, “проповедники Слова” отправлялись с торговыми караванами и духовными миссиями на восток. Они несли свою культуру и идеологию, язык, письменность и традиции, передавая их народам, жившим вдоль трасс “шелкового пути”. Об этом говорят и археологические находки, и нарративные источники. К числу последних относится, например, “История Мар Ябалахи и раббан Саумы”, повествующая о путешествии двух монахов-несториан из Пекина в Багдад². Описание их странствий, занявших целую жизнь, рассказ об удивительных приключениях и необыкновенных судьбах путешественников принадлежит перу сирийского автора XIУ в. Он отмечает основные этапы пути Мар Ябалахи и Саумы: Ханбалык (Пекин), город Тангут (Хара-Хото), Лутан, Талас, Хорасан и далее Азербайджан и Семиречье – это и есть проложенный сирийцами маршрут, по которому они водили свои караваны, где закладывали торговые фактории и основывали поселения.

Если теперь попытаться мысленно повторить этот путь, опираясь на достижения науки в изучении культуры и истории этих областей, то основными вехами на пути научных открытий окажутся те же оазисы и города: Сиань-фу, Хара-Хото, Турфан, Семиречье, Согдиана. Именно в оазисах вдоль трасс “шелкового пути” были найдены рукописи, свидетельствующие о великой эстафете языков и особенно письменностей. Вспомним только о главных результатах этой эстафеты: согдийское письмо арамейского проис-

хождения, легшее в основу уйгурского, а позднее – монгольского и маньчжурского; манихейское письмо, созданное в III в. Мани в Вавилонии и проникшее вплоть до Турфана — к согдийцам и тюркам; и, наконец, сирийское письмо, воспринятое согдийцами-христианами и попавшее от согдийцев к уйгурам.

Были найдены не только рукописи, но и памятники материальной культуры, зримые приметы пребывания несториан на всем протяжении "шелкового пути". В самой восточной точке этого пути находится стела Сианьфу, на которой начертана знаменитая сиро-китайская билингва VIII в., повествующая об основании епископии в Китае. Надпись приводит имена священников, возглавлявших там христианскую церковь³.

Следующий пункт – Хара-Хото, где экспедицией П.К.Козлова во время раскопок 1908–1909 гг. были найдены фрагменты сиро-тюркских рукописей – единственные из сохранившихся сиро-тюркские рукописные памятники, где на одном и том же листе сирийский текст написан как в горизонтальном, так и в вертикальном направлениях⁴. Эти листы свидетельствуют о том, что сирийцы не только писали, но и могли читать в обоих направлениях, как и согдийцы.

В третьем сиро-тюркском фрагменте из Хара-Хото тюркский текст, написанный сирийскими буквами, перемежается также сирийскими словами. Такая письменность смешанного типа известна и по надгробным памятникам из Семиречья, однако фрагмент из Хара-Хото представляет особенный интерес в связи с тем, что является частью рукописной книги и свидетельствует, как предполагала Н.В.Пигулевская, о наличии сиро-тюркской литературы⁵.

Аналогичные этим тексты, но на иранских диалектах, написанные сирийским алфавитом, были найдены в оазисах Турфана. Публикации согдийско-христианских текстов, начатые Ф.Мюллером и К.Залеманом, были продолжены В.Ленцем и О.Хансеном; в самое последнее время несколько согдийско-христианских фрагментов опубликовали Р.Шварц и В.Зундерман.

Согдийско-христианские тексты сыграли важную роль в исследовании лексики, грамматики и стилистики согдийского языка, а также в изучении сложной проблемы диалектного членения этого языка.

Из Турфана происходит сирийский по языку текст, изданный Н.В.Пигулевской⁶, и так называемая Турфанская Псалтирь. Это 12 листов, написанных архаичным среднеперсидским письмом, представляющих перевод с сирийского⁷. Все эти рукописи говорят о существовании христианских общин и в этом районе.

Из Центральной Азии торговые пути вели на территорию Семиречья, в районы современной Киргизии. По-видимому, в этих местах христианские общины были достаточно активны уже в раннем средневековье⁸.

В.А.Лившиц сообщил нам, что христианами могли быть некоторые из авторов согдийских надписей X–XI вв. на глиняных кувшинах, обнаруженных на территории Киргизии и Южного Казахстана и хранящихся в музеях Джамбула и Фрунзе.

Помимо согдийских на территории Киргизии были открыты и сиро-несторианские надписи, в частности большое число надгробий⁹.

Написи из Семиречья содержат смешанный текст: христианские имена чередуются с тюркскими, к сирийским корням прибавлены иногда тюркские окончания, тюркское слово может стоять рядом с сирийским, а сирийские строки перемежаются с тюркскими. Большинство надписей датированы по селевкидской эре и по 12-летнему циклу. Значительная часть их относится к XIII–XIV вв.

Есть и более ранние свидетельства о христианских поселениях в Киргизии: надгробная надпись на кирпиче, прочитанная А.Я.Борисовым и датиро-

ванная им XI–XII вв.¹⁰, и христианская церковь (VIII в.), раскопанная в 1954 г. Л.Р.Кызласовым на городище Ак-Бешим¹¹.

Из Казахстана (Джамбул) происходит небольшая – из трех слов – сирийская надпись на глиняном сосуде, датированная А.Н.Бернштамом по археологическим данным V–VI вв.¹².

О распространении христианства в Согде, откуда происходит наша надпись, существует несколько свидетельств, и, в первую очередь, большая христианская литература из Восточного Туркестана, представляющая переводы с сирийского. Часть этих сочинений, как мы упоминали, издана, другие только определены и описаны немецким ученым О.Хансеном¹³. Автор приводит около двадцати названий таких сочинений. Содержание текстов преимущественно традиционное, однако среди них есть отрывок из исторического сочинения. Последнее представляет особенный интерес, так как, по словам Хансена, это или оригинальное произведение, или переводное, но восходящее к какой-то местной среднеазиатской традиции. Для нас этот текст интересен в связи с тем, что в нем говорится о строительстве сирийского монастыря, и при этом перечислены лица, принимавшие участие в строительстве. Название места, в котором был построен монастырь, пока не расшифровано. Есть некоторые основания предполагать, что речь идет о том самом монастыре, о котором писал В.В.Бартольд, приводя сообщение арабского географа и путешественника X в. Ибн Хауқала, оставившего описание христианского монастыря, расположенного к северо-западу от современного Ургута. Ибн Хауқал посетил эти места и видел там много "месопотамских христиан", приехавших, по его словам, в поисках уединения и здорового климата¹⁴.

Интересно отметить в связи с этим факт находки в селе Ургут сирийского бронзового кадила с изображением несторианского креста и нескольких сцен из Нового Завета¹⁵.

В этом же районе к юго-западу от Ургута, в ущелье небольшой реки Гульбог, по сведениям, приводимым В.В.Бартольдом, имеются сирийские наскальные надписи – граффити. Они идут вдоль скалы "от уровня выше человеческого роста до самого низа". Всего 25 надписей¹⁶.

Все эти памятники христианской культуры – сирогоддийская литература из Турфана, сирийский монастырь, некоторые культовые предметы и наскальные надписи, обнаруженные возле Ургута, – образуют единый комплекс, состав которого удачно дополняет новая сирийская надпись, найденная в Пенджикенте.

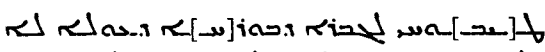
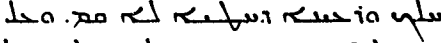
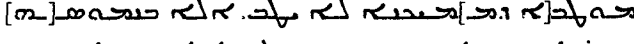
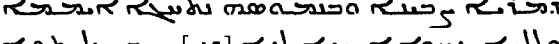
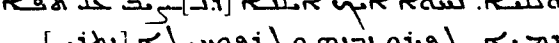
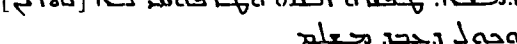

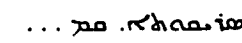

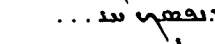
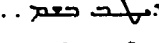
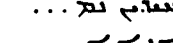
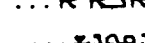
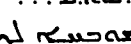
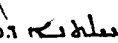

Говоря о сирийской надписи из Пенджикента, следует напомнить о судьбе этого города, по крайней мере дважды подвергавшегося опустошению и пожарам в богатом событиями VIII в. Стенная живопись, глиняная скульптура, монеты пережили пожар, они сохранились под рухнувшими перекрытиями зданий. Но архивы города Пенджикента и частные архивы пенджикентской знати погибли почти целиком – об этом свидетельствуют обгоревшие буллы – оттиски печатей на глине, некогда скреплявшие документы и найденные при раскопках города. Уцелело лишь немного – часть согдийских архивов, которые попали вместе с отрядом Деваштича, последнего правителя Пенджикента, в крепость на горе Муг. Их составляют согдийские надписи на целых сосудах и острака, согдийские надписи, сопровождавшие настенные росписи, несколько разноязычных надписей на черепках: одна среднеперсидская надпись, один фрагмент индийского текста – брахми, один фрагмент бактрийской надписи и несколько арабских. Эта коллекция интересна прежде всего разнообразием языков и письменностей, свидетельствующим о сложности политической, религиозной и культурной жизни Пенджикента VII–VIII вв. Согдийские надписи свидетельствуют, скорее всего, о маздеизме, индийская – о влиянии буддизма, арабские говорят о начавшемся уже в первой четверти VIII в. пе-

реходе в ислам, среднеперсидская – по-видимому, отражает деятельность выходцев из Ирана. Ныне к этому собранию прибавляется сирийская надпись – свидетельство распространения христианства.

Черепок с надписью был обнаружен на втором этаже жилого помещения, обозначенного как объект XX1У, раскопки которого производил Б.И.Маршак. Поверхность черепка почти плоская. По-видимому, он составлял часть какого-то крупного сосуда, округлая форма которого не отразилась на поверхности черепка. Черепок имеет форму неправильного четырехугольника, наибольшие размеры которого 12 x 13 см. Он был расколот – судя по линиям раскола, еще в древности – на несколько кусков, четыре из которых, составляющие находку, легко собираются в один. Весь нижний левый угол, содержащий около трети надписи, отсутствует.

Надпись была нанесена кисточкой или каламом чернилами черного цвета. Сохранилось 18 строк, 16 из которых содержат два отрывка связанного текста, а две оставшиеся составляют самостоятельный текст, написанный другой рукой и в другом направлении (рис. 41).

Т е к с т н а д п и с и

1. 1.
2. 2.
3. 3.
4. 4.
5. 5.
6. 6.
7. 7.
8. 8.
9. 9.
10. 10.
11. 11.
12. 12.
13. 13.
14. 14.
15. 15.
16. 16.
17. 17.
18. 18.

Т р а н с л и т е р а ц и я

- 1) t̄ybw̄hy l̄gbr' dbwr/h/' d wl' l'
- 2) ḥlk wr 'yn' dh̄ty' l' qm. w'l
- 3) mw̄tb/' dm'nykn' l' ytb. 'l' bnmws/h/
- 4) dmy' s̄byn' wbnmws̄ nthg' 'ymm'
- 5) wly'. nh̄w' 'yk 'yln' d̄nsyb ḳ' tp'

- 6) dmy'. tpyrw zbnh wtrpwhy l' /ntryn/
- 7) wkwl d bd mslm
- 8) tybw
- 9) lmn' r's' ' /
- 10) sryqwt' qm /
- 11) w'tmlk 'k/
- 12) dnpsk hn/
- 13) dytb bsm/
- 14) hydyn nm/
- 15) 'n' ' /
- 16) dqwd's/
- 17) swbh' lk 'lh'
- 18) hyltn' dml' smy' w'/r'' /

Перевод

- 1) Блажен муж, который путем нечестивых не
- 2) ходит, мнения грешников не придерживается и в
- 3) собрании насмешников не сидит. Но в законе его,
- 4) Господа – воля /его/ и о законе его размышляет он день
- 5) и ночь. И будет он как дерево, /по/саженное у потока
- 6) вод, которое плод свой /дает/ в свое время и лист которого,
не /вянет/.
- 7) И все, что он делает, завершает.
- 8) Блажен
- 9) Зачем смятение и...
- 10) тщетное. Вос...
- 11) совещается вм...
- 12) чтобы расторгнуть уз...
- 13) живущий на небес...
- 14) Тогда ска...
- 15) Я п...
- 16) святою...
- 17) Слава твоя, Бог
- 18) Саваоф, которая наполняет небо и землю/.

Текст содержит первые три стиха 1-го псалма (стк. 1-7) и фрагменты шести стихов – 2-го (стк. 9-16); 8-я строка содержит одно слово *tybw*, которое было зачеркнуто. Две последние строки (17, 18) написаны другой рукой и не связаны с основным текстом.

Содержание библейских фрагментов полностью соответствует Пешитте – сирийской версии Библии, если не считать незначительных пропусков, которые могут быть объяснены единственно невниманием писавшего¹⁷. Так, пропущены во 2-й строке предлог *b* (*wr'yn'* вм. *wb'yn'*), в 4-й строке – притяжательный местоименный суффикс *h* (*šbyn'* вм. *šbynh*), в 6-й строке – снова предлог *b* (*zbnh* вм. *bzbnh*) и глагол *yhb*.

Другую категорию составляют ошибки, свидетельствующие о том, что мы имеем в нашей надписи образец фонетической записи со слуха. Писавший не копировал уже написанное, а воспроизводил текст под диктовку. Словосочетание *dbwr/h'* (стк. 1) написано без первого алефа в слове '*wrh'*' "путь", поскольку алеф имеет здесь чисто графическое значение. Огласовка алефа при присоединении предлога переходит на этот предлог и, не будучи отраженным в произношении, алеф остался неотраженным и на письме. Наибольшие затруднения при дешифровке вызвало слово *trugw*, представляющее искаженное отражение словосочетания *dr'yrwhy*. Оно состоит из части-

пы *d*, выполняющей в данном случае роль относительного местоимения "который", существительного *p'ur* – "плод" и притяжательного местоименного суффикса 3-го л., м.р., ед.ч. Под влиянием последующего *p* произошло оглушение *d* в *t*. алеф был пропущен, как в предыдущем случае, а от местоименного суффикса, состоящего из трех знаков, остался лишь *w*, поскольку *h* под *linea occultans* не читается, а конечный *y* был, по-видимому, произнесен недостаточно четко.

Характер некоторых грамматических и орфографических ошибок говорит о том, что писал несириец; по-видимому, это был согдиец. Как правило, вместо *q* он употреблял *k*, вместо *t-t̄*, вместо *h-h̄*. Можно вспомнить в этой связи, что в согдийско-христианских текстах, переведенных с сирийского и написанных слегка модернизированной эстрангелой, фонема *k* передается то через сирийское *k*, то через *q*, согдийское *t* передается через сирийское *t*, но иногда и через *t̄*¹⁸, а фонемы *h* в согдийском вообще не было, поэтому в нашей надписи и не различаются *h* и *h̄*. Примечательно также и употребление буквы 'айн для передачи сирийского *g* в слове *gs̄*. Это объясняется, очевидно, также влиянием согдийско-сирийского письма, в котором согдийское *ʃ* обозначалось сирийским 'айном¹⁹.

Анализ всех указанных ошибок в сочетании с традиционным содержанием надписи позволяет сделать вывод о том, что текст представляет учебное упражнение, написанное под диктовку с целью овладения сирийским письмом.

О том, что среди согдийцев широко распространялась грамотность посредством разработанной системы школьного образования, сообщает в книге "Средневековый город Средней Азии" А.М.Беленицкий²⁰. Существовали школы для писцов и чиновников, о чем свидетельствуют как нарративные источники, так и черепки с алфавитом и упражнениями на согдийском языке, найденные в Пенджикенте. Два из этих текстов были опубликованы В.А.Лившицем²¹, который высказал предположение, что они являются частью архива дабиристана – школы писцов.

Мы далеки от мысли связывать происхождение нашего остракона с обычным дабиристаном: здесь разные и традиции – собственно согдийская и сирийская, и методы, а, возможно, и цели обучения. Скорее, можно думать о существовании школы при монастыре, устроенной по типу тех сирийских школ, описание которых сохранили многочисленные источники.

Сирийской школе посвящена специальная статья Н.В.Пигулевской, а также большой раздел в последней ее монографии "Культура сирийцев в средние века"²². Говоря о распространении сирийской культуры "от вечного города Рима до границ Небесной империи", Н.В.Пигулевская старалась в своих работах раскрыть содержание этой многогранной культуры и определить причины столь широкого ее распространения. Одной из причин она называет разработанную систему обучения. "Язык, письменность и литература не могут получить длительного и широкого распространения, – пишет Н.В.Пигулевская, – если нет традиции, передачи, притом систематической. Сирийцы были сильны своей школой, в которой усваивались грамота, чтение, письмо; знание энциклопедии того времени – Библии..."²³.

Сирийские школы, судя по сохранившимся описаниям, более всего походили на церковно-приходские и монастырские школы, известные всему христианскому миру. Источники, преимущественно агиографы (Н.В.Пигулевская приводит их в своей работе²⁴), сохранили сведения о том, как происходило обучение, в каком возрасте начинали учить детей грамоте и какова была численность учеников. В основу учебного процесса было положено усвоение Псалтири, причем методика обучения состояла в заучивании наизусть. Об основателе Нисибийской академии Мар Нарсае говорится, что, когда ему было семь лет, он ходил в школу для мальчиков в селении Айн Дулба, от-

куда был родом. За девять месяцев благодаря своим способностям и горячей любви к знаниям он выучил наизусть Псалтирь и мог "отвечать всего Давида"²⁵.

Живое описание содержит житие Бар Идты. Говорится, что он родился в Русафе, рано потерял родителей и остался на попечении старшей сестры. Когда он был еще совсем ребенком, она отправилась с ним в Нисибин и поселилась там, чтобы отдать его в школу. С вечера до утра мальчик проводил у своей сестры, а на день она отводила его в школу, и так до тех пор, пока он не выучил все псалмы²⁶.

По-видимому, наша надпись связана с деятельностью одной из таких школ, базой для которой мог послужить упоминавшийся ранее монастырь возле Ургута.

Две последние строки надписи (17, 18), написанные другим почерком, не связаны непосредственно с основным текстом. Они производят впечатление "пробы пера" и содержат евлогию – одну из формул прославления Бога: "Слава твоя, Бог Всемогущий, наполняет небо и землю..."

Текст не окончен, от слова "земля" сохранился лишь первый знак. Однако все слово легко восстанавливается, поскольку формула хорошо известна из литургии.

В сирийской "Повести о Евфимии, дочери Софии, и о чуде, свершенном исповедниками Шамоной, Гурией и Хабибом" эти слова вложены в уста главной героини. Речь ее оформлена как монолог, в котором она повествует о своих несчастьях и прославляет Бога, избавившего от них²⁷.

Тому, чтобы эта формула прославления Бога вошла в повседневную речь сирийцев как обиходное выражение, способствовало, по-видимому, ее широкое употребление в таких текстах, самый характер которых говорит об их утилитарном назначении. Мы имеем в виду заклинания и заговоры, известные, в частности, по изданию Х.Голланча²⁸.

Однако представляется наиболее вероятным, что источником указанных строк нашей надписи послужила не сирийская разговорная речь, а литургия. В книге Г. Баджера, посвященной обрядам и обычаям несториан, дано описание их литургии, где автор приводит адекватный текст формулы, как она произносилась во время службы²⁹.

Среди согдийских текстов, опубликованных Ф.Мюллером, есть фрагменты из книг Нового Завета. Эти отдельные разрозненные листы составляли единое сочинение, определенное Мюллером как *Perikorenbuch*³⁰. Отдельные вводные слова написаны здесь по-сирийски, за ними следует согдийский перевод. Это обстоятельство, а также то, что согдийские рукописи были найдены вместе с сирийскими, дало возможность О.Хансену предположить, что "согдийская церковь в качестве языка церкви, а, возможно, также и языка литургии использовала сирийский язык"³¹.

Это предположение подтверждает и наша надпись, из которой следует, что согдиец-христианин использовал с целью "пробы пера", как наиболее простые и привычные ему слова, формулу литургии на сирийском языке.

Надпись можно датировать концом VII – началом VIII в. н.э. исходя из трех критериев: археологического, исторического и палеографического. По свидетельству Б.И.Маршака, который дал нам устное описание объекта, где был найден черепок, археологические данные говорят за то, что надпись следует датировать первой половиной VIII в.

Историческим критерием, которым следует руководствоваться при датировке, является время возникновения переводной литературы с сирийского на согдийский. Точных дат распространения христианства в Согде мы не знаем; однако, судя по одному согдийско-христианскому тексту (перевод сирийской версии легенды об обретении креста Господня), датированному В.Б.Хеннингом 576 г.³², можно сказать, что христианство в Согде сирий-

цы-несториане принесли не позже начала V в. С этого времени можно вести счет согдийско-христианским рукописям. Самые поздние из них, происходящие из Турфана, датируются X–XI вв. Наш остракон относится к одному из этапов распространения христианства в Согде.

Датировка надписи концом VII или началом VIII в. с точки зрения палеографии также не вызывает возражений. При анализе ее мы исходили из письма рукописей, а не эпиграфических материалов, как это часто делают в таких случаях. Нанесенная кисточкой на хорошо подготовленную поверхность, она может быть приравнена к письму чернилами на мягком материале – пергамене или бумаге – скорее, чем к начертаниям, высеченным на камне. В целом почерк нашей надписи – эстрангела в его уставной форме с некоторыми элементами курсива – сходен с почерками некоторых сирийских рукописей VIII в.

Новая надпись может представить определенный интерес не только для истории христианства, но и для истории культуры Средней Азии, составляя одно из существенных звеньев в цепи драгоценных находок и открытий: китайская стела в Сиань-фу, сиро-тюркские и сиро-иранские фрагменты из Турфана, несторианские надгробия из Киргизии, сирийские граффити из Ургута и сирийский остракон из Пенджикента.

Значительным вкладом послужит новая находка и в историю изучения сирийской культуры вообще, представляя очевидное свидетельство о деятельности сирийских школ. До сих пор мы знали о существовании их лишь по нарративным источникам. Вновь открытый текст является первым дошедшим до нас документом, подтверждающим эти описания.

П р и м е ч а н и я

1 Первый сирийский остракон был найден в Египте. См.: Murad Kamil. Ein syrisches Ostrakon aus dem V Jahrhundert. – «Revista degli Studi Orientali». Vol. 32. P. 1. Roma, 1957. с. 411–413.

2 Histoire de mar Jabalaha, patriarche et de rabban Cauma. Ed. P. Bedjan. P., 1888 (изд. 2, P., 1895); Н. В. П и г у л е в с к а я. История Мар Ябалахи III и раббан Саумы. М., 1958.

3 Об этом и других несторианских памятниках в Китае, Маньчжурии и Японии см.: «The Nestorian Documents and Relics in China. By P.Y. Saeki, D. Litt. Tokyo. 1951; Е.И. Кычанов. Сирийское несторианство в Китае и Центральной Азии. – ПС, вып. 26(89), Л., 1978, с. 76–85.

4 Н. В. П и г у л е в с к а я. Сирийские и сиро-тюркский фрагменты из Хара-Хото и Турфана. – «Советское востоковедение». 1940, 1, с. 212–234.

5 Н. В. П и г у л е в с к а я. Еще раз о сиро-тюркском. – «Тюркологический сборник». М., 1966, с. 228–232.

6 Н. В. П и г у л е в с к а я. Сирийские и сиро-тюркский фрагменты из Хара-Хото, с. 224–226.

7 F.S. Andreas. Bruchstücke einer Pehlevi-Übersetzung der Psalmen, aus dem Nachlass hg. von Kaj Barr. – SBAW, 1933. 1.

8 См. данные письменных источников, главным образом арабо-персидских, проанализированных В.В.Бартольдом (В. В. Б а р т о л ь д. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. – Собрание сочинений. Т. II/2, М., 1964, с. 265–302.

9 Существует обширная литература, посвященная дешифровке, переводу, изданию и исследованию эпитафий. Она включает известные труды видных ученых, семитологов и тюркологов: Д.А.Хвольсона, П.К.Коковцова, С.С.Слуцкого, В.В.Радлова, С.Е.Малова. В последние годы в эту работу включились и киргизские языковеды. См.: Ч. Д ж у м а г у л о в. Язык сиро-тюркских (несторианских) памятников Киргизии. Фрунзе, 1971.

10 А. Я. Б о р и с о в. Сиро-тюркская надпись из развалин Сарыка. – «Эпиграфика Востока». 15, 1963, с. 56–57. (Подготовлена к печати К.Б.Старковой.)

11 Л. Р. К ы з л а с о в. Археологические раскопки на городище Ак-Бешим в 1953–54 гг. – «Труды Киргизской археологической экспедиции». Т. 2. М., 1959.

12 См.: А. Я. Б о р и с о в. Сибирская надпись на сосуде из Тараза. – "Известия АН Казахской ССР", 1948, с. 105–108.

13 O. Hansen. Die christliche Literatur der Sogdier. – «Handbuch der Orientalistik». Bd 4. Abt. 1. Abschn. 2. 1968, с. 91–99.

14 В. В. Б а р т о л ь д. История культурной жизни Туркестана. – Собрание сочинений. Т. II/ 1, с. 221.

15 В. И. З а л е с с к а я. К вопросу о датировке некоторых групп сирийских культовых предметов. – ПС. Вып. 23 (86). Л., 1971, с. 87–88.

16 В. В. Б а р т о л ь д. Отчет о командировке в Туркестан. – Собрание сочинений. Т. 1У, с. 258 (сведения В.В. Бартольда, по словам Б.И. Маршака, были подтверждены эпиграфической экспедицией А.М. Мухтарова летом этого года).

17 Следует отметить, что в 1-м стихе 1-го псалма в тексте Пешитты имеет место интересное разночтение по сравнению с древнееврейским оригиналом и Септуагинтой. Сущность разночтения состоит в следующем. В переводе с древнееврейского текст гласит: "Блажен муж, который в совет нечестивых не ходит, на пути грешников не стоит, в собрании насмешников не сидит".

Чтобы избежать тавтологии, неизвестный нам редактор выбрал для слова 'ešā не первое его значение "совет", а второе – "мысль", "убеждение" (словарь Л.Келера – В.Баумгартнера приводит такое значение, правда, в сочетании 'ašat šalom-friedliche Gesinnung. См.: Lexicon in Veteris Testamenti Libros. Ed L. Kochler, W. Baumgartner. Leiden, 1958, с. 726). Затем он поменял местами слова 'ešā и dāgāk. В новой редакции стих звучал несколько иначе: "Блажен муж, который по пути нечестивых не ходит. убеждений грешников не придерживается, в собрании насмешников не сидит". Эту редакцию и отражает текст Пешитты. Очевидно, что отмеченное разночтение не меняет общего смысла, однако его нельзя рассматривать и как ошибку при переводе или погрешность переписчика. Это сознательная и вполне оправданная, на наш взгляд, редакционная поправка. По-видимому, сирийский перевод восходит к какой-то неизвестной ранней редакции текста, бытовавшей еще до Ямнийского синедриона, на котором была принята масоретская версия Библии, ставшая канонической.

18 И.М.Дьяконов любезно указал мне, что обычной ошибкой парфянских писцов из Нисы (I в. до н.э.) также было написание в арамейских гетерограммах вместо *tt* или *t-t*.

19 Консультации по вопросам согдийского языка и литературы были получены мною у В.А.Лившица, которому я приношу свою глубокую благодарность.

20 А. М. Б е л е н и ц к и й, И. Б. Б е н т о в и ч, О. Г. Б о л ь ш а к о в. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 119–120.

21 "Согдийские документы с горы Муг". Вып. 2. "Юридические документы и письма". Чтение, перевод и комментарии В.А.Лившица. М., 1962, с. 68.

22 Готовится к изданию.

23 Н. В. П и г у л е в с к а я. Сирийская средневековая школа. – ПС. Вып. 15 (78). М.–Л., 1966, с. 130.

24 Там же, с. 132–138.

25 «Patrologia Orientalis». Т. 9, с. 615.

26 W. Budge. The Histories of Rabban Hormizd the Persian and Rabban Bar Idrā. L., 1902. t. I, с. 117; t. II, с. 170.

27 См.: F. Nau. Hagiographie syriaque. – «Revue de l'Orient chrétien». Т. 5 (15). P., 1910, с. 175.

28 H. Gollancz. The book of Protection being a collection of charms. L., 1912, с. 38, 41. Ближайшие к этим текстам содержатся также в рукописях, хранящихся в Отделе рукописей ЛО Института востоковедения АН СССР. См.: Н. В. П и г у л е в с к а я. Каталог сирийских рукописей Ленинграда. – ПС. Вып. 6 (69). М.–Л., 1960, с. 124–130. Как в тех, так и в других текстах упомянутая евлогия встречается неоднократно. На это обстоятельство мне указала Е.Н.Мешерская.

29 См.: Y.P. Badger. The nestorians and their Rituals. Vol. 2. L., 1852, с. 225: Holy, holy, holy. Lord God of hosts, heaven and earth are full of Thy glory. Текст восходит к Книге пророка Исайи (Ис. У1, 3). В несколько измененном виде встречается в Псалтири (ПС.: УИИ, 2; СУИ, 6), с которой связан основной текст нашей надписи.

30 F.W.K. Müller. Soghdische Texte. 1. – SBAW, B., 1913, с. 89.

31 Die buddhistische und christliche Literatur, с. 93.

32 F.W.K. Müller-W. Lentz. Soghdische Texte. 2. – SBAW, 1934. 21, с. 603.